

РАЗНООБРАЗИЕ РАБОТ ГЕОГРАФОВ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

© 2011 г. Т.Д. Александрова

Институт географии РАН

Поступила в редакцию 14.12.2010

Рассмотрены направления работ географов в помощь фронту и тылу с первых дней войны. На основе материалов, обнаруженных в фондах Архива РАН, приведены малоизвестные или неизвестные факты о деятельности Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной армии, о комиссиях по мобилизации ресурсов на нужды обороны, разрабатывавших комплексные мероприятия по развитию народного хозяйства восточных районов – Урала, Западной Сибири и Казахстана, Поволжья и Прикамья. Рассказано о работах некоторых географов в области теории, методики и практики военной географии.

За прошедшие с начала Великой отечественной войны 70 лет о деятельности географов написано немало, в том числе и участниками тех событий [1–7, 9, 13, 16, 17, 23]. Книги и статьи о работах ученых в помощь фронту и тылу особенно часто появлялись в юбилейные победные годы [14, 15, 20, 21]. В пятидесятую годовщину Победы было предложено продолжить изучение работ географов в годы войны с помощью архивных документов [10, 11]. О некоторых неизвестных ранее сведениях, обнаруженных в фондах Архива РАН, и рассказано здесь.

Предчувствие войны и ее начало. На грани 1930–40-х годов было ясно, что война, идущая в Европе, неизбежна и для СССР. В планы работ включались темы “оборонного” характера. Так, в октябре 1940 г. на ученый совет Института географии для уточнения планов на 1941 г. были приглашены представители Наркоматов внешней торговли, обороны, военно-морского флота, Генерального штаба РККА. Обсуждались сроки и объемы работ по изучению капиталистических стран, составлению карт для военного ведомства, переориентирование некоторых исследований так, чтобы они отвечали интересам обороны страны [Ф. 200¹. Оп. 1. Д. 56].

Во второй день войны 23 июня 1941 г. прошло расширенное заседание Президиума АН СССР. Вскоре академические исследования сосредоточились на трех главных направлениях: 1) проблемы оборонного значения, 2) научная помощь

промышленности, 3) мобилизация сырьевых ресурсов страны [12]. Для координации оборонных исследований были созданы комитеты и научные советы, специальные региональные и проблемные комиссии (военно-инженерная, военно-санитарная, военно-морская, по авиации, геолого-географическая и др. Среди региональных – комиссии по мобилизации ресурсов на нужды обороны).

24 июня 1941 г. на экстренном заседании ученого совета Института географии директор А.А. Григорьев рассказал о перестройке работ на оборонную тематику. После активного обсуждения и одобрения общего направления работ всем заведующим отделами было предложено дать конкретный план каждого подразделения к 16 часам сегодняшнего дня [Ф. 200. Оп. 1. Д. 47].

Институт с первых дней войны начал сотрудничать с комиссиями АН СССР. В июле – августе Президиум АН СССР и ряд институтов были эвакуированы в Казань. В октябре геологические учреждения эвакуировали на Урал, гуманитарные и биологические – в среднеазиатские республики, Институт географии – в Алма-Ату.

Комиссия по геолого-географическому обслуживанию Красной армии. В Отделении геолого-географических наук (ОГГН) для оперативного выполнения оборонных работ были созданы четыре спецкомиссии: № 1 – по применению аэросъемки, № 2 – пещерная, № 3 – маскировки, № 4 – географо-экономическая группа. В августе 1941 г. “в целях координации работ спецкомиссий и обеспечения наилучшего выполнения возложенных на них со стороны оборонных органи-

¹ Поскольку использованы фонды одного архива, в ссылках указаны лишь их номера.

заций заданий” они были объединены в секцию оборонных работ бюро ОГГН [Ф. 535. Д. 111]. Руководителем секции стал академик А.Е. Ферсман (1883–1945), его заместителем – физикогеограф, специалист по аэрометодам А.В. Гавеман (1903–1990). Секция действовала в тесном сотрудничестве с институтами географии, геологических наук, мерзлотоведения, почвенным, ботаническим и другими. Лишь через год, 11 августа 1942 г. секция оборонных работ получила свое сохранившееся в истории название Комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной армии (ГГО КА), под которым она действовала до 31 декабря 1943 г. За это время ею был выполнен целый ряд важных работ: по минеральному стратегическому сырью, методам маскировки, военно-географическим справочникам, естественным укрытиям и др. [Ф. 535. Д. 191].

Работы в ОГГН велись по заданиям оборонных и военных органов, находящихся в подчинении Народных Комиссариатов СССР: обороны (НКО) и внутренних дел (НКВД). Среди заказчиков (и приемщиков) работ были: Главное управление противовоздушной обороны территории страны (ГУПВО НКО), Главное управление местного ПВО НКВД, штаб Московского военного округа (МВО), служба маскировки Моссовета, Главное военно-инженерное управление (ГВИУ) НКО, Управление тыла ВВС (военно-воздушных сил) Красной армии, Штаб ВВС и др. Ответственными консультантами были военные инженеры из перечисленных выше организаций [Ф. 580. Д. 6].

В январе–феврале 1942 г. в ОГГН для улучшения координации работ по геолого-географическому обслуживанию в Свердловске организовали совет, членами которого стали академики: геологи П.И. Степанов, А.Е. Ферсман, В.А. Обручев, географ А.А. Григорьев, почвовед Л.И. Прасолов, экономист Е.С. Варга. В совет входили представители Генштаба, ГВИУ, ВВС и ГУПВО. Председателем был президент АН СССР В.Л. Комаров, оперативное руководство осуществлял А.Е. Ферсман [Ф. 535. Д. 169].

Комиссия ГГО КА включала в себя в разное время несколько групп, называемых то подкомиссиями, то разделами, то темами [Ф. 580. Д. 6; Ф. 535. Д. 173]. Число тем менялось в связи с запросами военных организаций или по собственной инициативе ученых. Так, в апреле 1942 г. было 11 “разделов”: I. Стратегическое сырье (руководитель А.Е. Ферсман). II. Основы военной географии. (Б.Б. Полынов). III. Хозяйственно-транспортное и военно-географическое описание зарубежных стран. (А.А. Григорьев, В.Ф. Васю-

тин). IV. Описание военных рубежей и проходимости (И.П. Герасимов). V. Составление летно-географических карт (И.П. Герасимов). VI. Карты населения (проф. Черняков). VII. Аэросъемка (А.Е. Ферсман, А.В. Гавеман). VIII. Климатологические работы (Е.Е. Федоров). IX. Использование льда в военной технике (А.М. Чекотилло). X. Исследования по укрытиям (А.Е. Ферсман, Е.А. Гаврилов). XI. Работы по маскировке (А.Е. Ферсман, Б.А. Чернявский). Весной 1943 г. структуру Комиссии упростили, оставив лишь четыре группы [Ф. 535. Д. 178].

Работы по некоторым темам. Очень важными в первые месяцы войны были работы по *маскировке и аэросъемке*. Вопросами маскировки военно-промышленных объектов, аэродромов, нефтебаз, крупных городов занимались геологи, оптики, химики, которые разрабатывали технологические и оптические аспекты маскировки. Для маскировки требовалось много красок, которые делали из отходов промышленности и местного сырья, по возможности использовали естественные цвета. Очень полезными были работы сотрудников Института географии по сезонным изменениям цветности фона растительных покровов (В.И. Долгошов), по роли цвета снега различных видов, срокам его схода и периодам интенсивного снеготаяния (Г.Д. Рихтер).

Местные маскировочные материалы предложил использовать Б.Б. Полынов, на что пришел ответ из военной организации: “Предложение проф. Полынова маскировать водную поверхность плавающими торфяно-моховыми подушками, материалом местным, заслуживает внимания и должно быть проэкспериментировано при проработке темы группой спецработ ОГГН. Предложение маскировать водную поверхность разливом растительного масла и засыпкой угольной пылью является неприемлемым ввиду острого дефицита растительного масла” [Ф. 580. Д. 2].

В проектной мастерской по заданиям ГУ НКО СССР сооружали макеты различных ландшафтов, на которых проверялись краски, виды камуфлированных сооружений, имитация водных поверхностей, пашен и др. Оптический контроль красок осуществляли в ВИМСе. Материалов, нужных для аэросъемочного, оптического и технологического изучения, не хватало, использовались трофейные фотопленки, светофильтры, образцы различных окрасов вооружения, которые по просьбе ученых собирали командир прожекторного полка. Правильность предлагаемых способов маскировки объектов проверялась с помощью контрольной аэросъемки с разных высот. Для производства

аэросъемочных работ в мае 1942 г. А.Е. Ферсман и академик архитектуры К.С. Алабян просили зам. наркома НКО по ПВО выделить одну из летних частей [Ф. 580. Д. 2].

Сотрудники Института географии (В.С. Волынская, А.В. Живаго, Е.Н. Лисичек и др.), входившие в группу *по аэросъемке*, изучали особенности дешифрирования на аэрофотоснимках военных и тыловых объектов, элементов рельефа, растительности в разное время года, участвовали в написании справочника по маскировке (раздела по аэрофоторазведке). Они составляли альбомы ландшафтов территории фронта по разным природным зонам [9, 10, 20]. Для альбомов подбиралась литература, наземные фотографии, включая аэрофотоснимки, находить которые было сложно. Сохранилось два письма. Одно – в бюро обслуживания библиотеки им. Ленина с просьбой снять две аэрофотографии из журнала *Revue militare Suisse* за 1941 г.; второе – на киностудию Мосфильм, в котором сообщалось, что по заданию НКО и НКВД выполняются работы по проектированию и разработке методов маскировки, для чего крайне нужны материалы, иллюстрирующие Подмосковье. «В фильме “Разгром немецких банд под Москвой” имеется ряд сделанных с воздуха снимков, которые нас весьма интересуют. Вероятно, вы располагаете большим количеством снимков, сделанных с самолета, но не помещенных в данном фильме. Просим не отказать в любезности предоставить возможность нашим научным сотрудникам Волынской и Лисичек ознакомиться с Вашим материалом и, в случае Вашего согласия, заказать его» [Ф. 580. Д. 2].

16 октября 1941 г., когда была реальная угроза входа в Москву фашистских войск, по приказу А.В. Гавемана были сожжены указания по дешифрированию на аэроснимках рельефа, болот, статья Б.А. Федоровича об использовании аэросъемки при ведении военных действий в пустыне, стенограммы докладов конференции по применению аэросъемки в военном деле и др. [Ф. 580. Д. 2].

К счастью, уничтожение материалов не остановило работу. Была подготовлена книга по вопросам аэросъемки, представленная к печати с резолюцией Президента АН СССР в феврале 1942 г. Но, видимо, военное время не представило такой возможности. В Архиве ИГАН долго хранились отчеты А.В. Живаго и В.С. Волынской “Дешифрирование рельефа на летних и зимних аэроснимках” за 1942 г.

Пещерная комиссия занималась анализом материалов по естественным и искусственным подземным укрытиям для различных военных

целей, проводила экспедиционные работы для обследования районов распространения подземных укрытий в рамках экспедиции особого назначения (ЭОН). Основными исполнителями были Палеонтологический институт и Институт истории материальной культуры. Ученым секретарем комиссии был сотрудник Института географии Е.А. Гаврилов. В первые месяцы войны он разработал схему описаний естественных и искусственных укрытий и составил карту районов их распространения [Ф. 200. Оп. 1. Д. 2]. Им и рядом географов и геологов (А.С. Барков, В.А. Варсанофьев и др.) были описаны сотни укрытий на территории европейской части СССР, Урала, Кавказа, Крыма и Средней Азии. На Урале в Миасском отряде в декабре 1941 г. работал Д.Л. Арманд, в 1942 г. он был начальником Южно-уральского отряда ЭОН [Ф. 580. Д. 3 и 6].

В географо-экономической комиссии составлялись *военно-географические описания и карты*. Работали над созданием карт и описаний самостоятельно и другие службы: геологические [14, 15, 20, 21], картографические [4, 20]. Случались и дублирующие работы. О военно-географических описаниях довольно много рассказал Л.С. Абрамов [1, 2], подробные сведения есть и о картах [18, 20]. Добавим лишь некоторые новые данные. В первые месяцы войны срочно составлялись карты и описания на западные территории [2, 10]. В январе 1942 г. на заседании ОГГН в Свердловске был поднят вопрос об организации срочного (к 20 апреля 1942 г.) составления очерков оборонно-географических условий Восточной Сибири (по 2–3 а. л.) и карт к ним. Ответственным был назначен С.В. Обручев [Ф. 535. Д. 169]. В Иркутске предполагалось составление очерков на Западный Саян, Восточный Саян, Забайкалье, Тувинскую Республику, Северную Монголию; в Москве группа географов отвела за очерки по Маньчжурии, Корее, Северному и Западному Китаю, Западной и Восточной Монголии. В очерках кроме описания природных условий непременными были разделы: проходимость для разных видов транспорта, оборонительные рубежи, дороги и пути сообщения, воздушные трассы, аэродромы; население и населенные пункты, краткая экономическая характеристика района (местные полезные ископаемые, состояние местной промышленности и возможности снабжения).

Начались работы и по Дальнему Востоку. В августе 1943 г. Институт географии по заданию ВВС составил программу работ “Природные условия Дальнего Востока и прилегающих территорий”, где обязательной должна была стать оценка природных ориентиров, условий маскировки,

взлетно-посадочных условий, мест возможного скопления наземных войск. Текст должен быть увязан с картами [Ф. 200. Оп. 1. Д. 11].

Предполагались справочники и для Средней Азии. В феврале 1943 г. Комиссия по ГГО КА при ОГГН просила Б.Б. Полынова взять на себя труд по организации и ответственному редактированию военно-географического справочника по Среднеазиатскому военному округу объемом 5–6 п. л. [Ф. 602. Оп. 3. № 9].

В 1943 г. бюро Всесоюзного географического общества в Москве тоже решило составлять военно-географические описания (по 5–10 п. л. с картами) военных округов (Сибирский, Приволжский, Среднеазиатский, Забайкальский), фронтов (Ленинградский, Северный), регионов страны (Эстония, Латвия, Литва, Полесье, Крым, Дальневосточный край) и других стран (Финляндия, Индия, Китай). Среди предполагаемых авторов названы С.П. Суслов, Н.Н. Соколов, С.В. Калесник, К.К. Марков, В.А. Обручев, Г.Д. Рихтер и др. [Ф. 535. Д. 205].

В конце 1943 г. был организован отдел военно-географических описаний НИИ ВТС КА, в котором усилиями географов, топографов и картографов были созданы разнообразные военно-географические справочники [1, 2, 20].

Некоторое представление о ходе работ над военно-географическими описаниями капиталистических стран дают отрывки из писем В.Ф. Васютина (зав. отделом экономической географии Института географии и руководитель его московской группы в 1941–1943 гг.) А.А. Григорьеву в Алма-Ату (март 1942 г.). “Вначале и с этим вопросом было тяжело. Нашу программу разворота работ по соседним странам Шмидт и Чудаков прямо отвергали и поставили вопрос о недопустимости дублирования работ, проводимых Комиссией Ферсмана... я выяснил, что у них мало делается. Много разговоров, а дело свелось к работе Арманда и еще ряда сотрудников только по вопросам стратегического сырья. Тогда я разработал свой план разворота военно-географических работ по странам (программа, перечень стран и исполнителей). Ферсман вынужден был согласиться, что основная роль должна принадлежать Институту географии. Шмидт одобрил план. Я копию программы работ вам посыпаю”. [Ф. 1569. Оп. 3. Д. 70].

Спустя два месяца Васютин рассказывает, как идут дела. “Результаты пока еще слабы. В действии тот план очерков, который мы с вами составили в Свердловске и послали в РУ (разведуправление). Сверх этого плана было сделано общегеографи-

ческое описание Индии и составлена справка о населении аравийских стран. Работы без меня были сданы в РУ и уже использованы. Получены краткие отзывы. Я на днях виделся с представителями РУ, обсуждал с ними ряд принципиальных вопросов. Наша работа по военной географии РУ должна в основном идти по двум линиям. 1. Составление общих военно-географических описаний отдельных стран и территорий (физ. и экон. география) с военно-географическими оценками, 2) составление детальных материалов-справок по отдельным элементам военной географии той или иной страны (например, описание проходимости, рубежей, энергетических узлов, промышленных центров, транспортных узлов и т.д.). После использования РУ эти работы должны быть подготовлены к печати (в бюлл. РУ, Воениздате или Госполитиздате). РУ помогут в переговорах с Воениздатом. Метод составления справок в связи с текущими заданиями аппарату РУ я категорически отверг, считая что АН не может свести свою работу к скоропалительным справкам... предложил РУ другой план – хорошо продумать, какие материалы и когда им нужны”.

К лету 1943 г. сотрудниками Института географии и специалистами из других учреждений был создан ряд военно-географических описаний, которые предполагалось опубликовать через издательство военной литературы [Ф. 200. Оп. 1. Д. 11]. Среди них два объемных коллективных труда (по 50 а. л. в 3 томах) по Большому Кавказу и Волго-Донской территории. Из книг по зарубежным странам названы Норвегия, Румыния, Турция, Восточная Германия (по 20–30 а. л.); Корея, Польша, Финляндия, Венгрия (10–15 а. л.); Иран, Индия (менее 10 а. л.). В 1944 г. Воениздат выпустил в свет лишь одну книгу по Румынии. Некоторые из перечисленных книг вышли позже в других издательствах [8].

Сведения по зарубежным странам готовил и Почвенный институт, там составлялись почвенные карты и очерки Турции, Ирана, Афганистана и Западного Китая [Ф. 602. Оп. 3. Д. 8].

В ходе войны было разработано и создано несколько типов комплексных военно-географических карт: военно-геоморфологическая, карты элементов проходимости, дорожно-географическая, военно-географическая, взлетно-посадочных условий, западного и восточного театров военных действий; климатических карт: снежного покрова, фенофаз и др. [5, 9, 10, 18]. Методика составления карт была изложена в коллективных работах: “Природные факторы проходимости территории”, “Проблемы военной географии и

войской картографии” (сборник), объяснительных текстах к картам [9]. Судьба этих работ неизвестна.

Уделялось внимание *популяризации геологогеографических знаний*. Зимой 1942 г. в ОГГН был предложен список возможных докладов для бойцов, командиров и политработников отдельной части Западного фронта. Среди них военная география (Ферсман), влияние погоды и климата на ведение военных операций (Баранов), аэросъемка как метод изучения рельефа местности (Живаго), инженерная гидрология и гидрогеология на службе КА (Меннер); о современной технике маскировки, рудных богатствах Урала (Варсанофьева), втором Баку, о роли в современной войне цветных металлов и химии [Ф. 580. Д. 2].

Институт географии работал и в рамках комиссий, и по другим специальным заданиям. Сейчас по документам не всегда удается выяснить, что было заданием сверху, а что делалось по собственной инициативе. Некоторое представление об этом можно получить из списка тем оборонного значения на второе полугодие 1941 г. [Ф. 200. Оп. 1. Д. 56]. По заданию ЦК ВКП (б) были составлены брошюры для красноармейцев по географии соседних с СССР стран и районов (Финляндия, Восточная Пруссия, Румыния, Венгрия). По согласованию с ВТУ Генштаба РККА запланировано детальное описание географических районов сопредельных с СССР стран (те же плюс западные районы Польши); по заданию НКИД – географическое описание Дунайского бассейна. По заданию Военно-политической академии им. Ленина должен быть подготовлен военно-географический обзор СССР для слушателей военных академий. По заданию ВИУ Генштаба КА проводилось составление детальных военно-геоморфологических карт в 10-верстном масштабе. По заданию ВТУ совместно с комиссией по аэросъемке составлялась инструкция для комсостава по дешифрированию аэрофотоснимков. По заданию Госплана – географическое описание городов Поволжья, Урала, Сибири, Казахстана; по заданию Наркомзема изучались условия для устройства эвакуированных людей в районы Казахстана.

По инициативе Института предполагалось детальное описание стран (Греция, Синьцзян, Иран, Афганистан, Манчжурия, Югославия), составление очерков природных условий некоторых пограничных районов как возможных территорий военных действий; изучение снежного покрова с оборонной точки зрения и составление погодно-климатических характеристик западной полу-

вины ЕТС. Не забывали о “критике фашистских теорий в географии”.

В плане работ ОГГН на 1942 г. Институт географии отвечал за географический цикл, состоявший из трех проблем [Ф. 535. Д. 163]. Проблема VII. Климат и военно-географические карты западной части СССР и прилегающих зарубежных стран, в которой отдельными темами были выделены составление военно-климатических очерков и составление военно-географических карт. Проблема VIII. Мобилизация земельных ресурсов Казахстана для нужд сельского хозяйства включала в себя геоморфологическое, агроклиматическое и водохозяйственное изучение южного Казахстана; изучение резервных земельных фондов Казахстана и условий их использования для развития земледелия и животноводства. Проблема IX. Экономгеографическое изучение городов и отдельных районов восточных частей СССР (Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала, южной части Омской области, Казахстана, Северной Киргизии, Ферганы и Туркменской ССР).

Комиссии по мобилизации ресурсов на нужды обороны. 28 августа 1941 г. в Свердловске была создана комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, а с апреля 1942 г. ее деятельность охватила Западную Сибирь и Казахстан.

Комиссия по мобилизации ресурсов Урала, Западной Сибири и Казахстана разрабатывала комплексные мероприятия по развитию народного хозяйства восточных районов. Кроме академических институтов, в ее работе участвовали сотрудники 60 местных и эвакуированных учреждений, всего свыше 600 человек [12]. Председателем комиссии был Президент АН СССР В.Л. Комаров, его заместителями академики: металлург И.П. Бардин, химики Э.В. Брицке, А.А. Байков, экономист С.Г. Струмилин, геолог В.А. Обручев. [Ф. 666. Д. 12].

В сферу внимания Комиссии входили два основных направления: обобщающие работы, охватывающие территориальные комплексы, и отраслевые проблемы. Было создано несколько отраслевых групп: транспорта, цветной металлургии, энергетики, топлива, нерудных ископаемых, сельского хозяйства (отдельно Западной Сибири и Казахстана, Урала). На Урале проводились мероприятия по развитию Южно-Уральского горнопромышленного комплекса и Свердловского промышленного узла; по увеличению добычи угля, поискам марганцевой руды, строительству небольших и средних гидростанций. Обсуждались размещение лесозаготовок, реконструкция

сельского хозяйства, повышение пропускной способности железной дороги. В Западной Сибири – мероприятия по развитию важнейших отраслей хозяйства. В Казахстане планировалось развитие Южно-Казахстанского промышленного комплекса, полиметаллической базы в Чимкенте, сурьмяно-рутной промышленности и добычи углей на юге Казахстана и соседних районах Средней Азии и др. Отчеты о полевых работах в 1941–42 гг. сотрудников Института географии в Казахстане и Западной Сибири направлялись в Комиссию [Ф. 666. Д. 43, 25].

Комиссия в 1943 г. решила расширить деятельность, включив в план на 1944 г. и вопросы развития хозяйства Восточной Сибири, а также составление итоговой работы “Ресурсы восточных районов СССР в обороне и восстановлении западных районов”.

Комиссия по мобилизации ресурсов Поволжья и Прикамья на нужды обороны была организована в мае 1942 г., в ее работе участвовали более 300 сотрудников Академии наук и местных организаций [12]. Основной в ней была нефтяная секция, работали энергетическая, минерально-сыревая, химическая, сельскохозяйственная, водных ресурсов [Ф. 667]. Институт географии принимал участие в разработке вопросов экономического развития районов, прилегающих к трассе строящейся меридиональной железной дороги, в изучении городов [5, 9, 11].

Деятельность комиссий по мобилизации ресурсов страны на нужды обороны, размещение во многих городах страны крупных научно-исследовательских учреждений в послевоенные годы помогли развитию науки в филиалах Академии наук, ставших научными центрами [12].

Экспедиции. Летом 1941 г. продолжались различные геологические и географические экспедиции. Например, трест Спецгео активно проводил геологические исследования в приграничных территориях [15, 20, 21]. Работали начатые в прошлые годы экспедиции Института географии в европейской части страны, Казахстане и Средней Азии, Сибири, на Урале, Северо-Востоке. Срочно была организована экспедиция по изучению земельных фондов Казахской ССР, результаты работ которой по шести северным областям уже в январе 1942 г. были отправлены в Госплан СССР. Было обследовано и описано 10 городов и населенных пунктов Казахстана, собран материал по 12 городам и населенным пунктам Челябинской и 30 пунктам Омской обл. [Ф. 535. Д. 118].

Продолжалась Карагинская экспедиция, разрабатывавшая новую схему промышленного

использования бессточных впадин Мангышлака [Ф. 200. Оп. 1. Д. 4]. В Талгарской высокогорной экспедиции были изучен рельеф свободных земельных фондов для сельского хозяйства, очаги грязекаменных потоков, закончена стереосъемка.

Летом 1942 г. проводились полевые работы комплексной бригады под руководством И.А. Бородина по изучению использования земельных фондов в подсобных хозяйствах крупнейших промышленных предприятий Казахстана (Караганда, Балхаш, Джезказган-Карсакпай) для определения направления и выявления возможностей расширения подсобных хозяйств [Ф. 666. Д. 43].

В южной части Омской области работала сибирская группа экспедиции под руководством М.И. Помуса. Выявляя промышленные возможности населенных пунктов, группа одновременно изучила вопросы использования огромных торфяных залежей южной части Омской области [Ф. 666. № 25], возможности развития и размещения стекольной, лесохимической, маслобойной промышленности и др. [9].

В Казахстане, Средней Азии, Сибири, Урале, Поволжье работали экспедиции по выявлению возможностей промышленного развития населенных пунктов [5, 9, 11]. “Никогда не думал, что работа по городам может быть такой интересной, она является настоящей лабораторией для формирования экономгеографа. ...На Урале, в Сибири, в Казахстане и Средней Азии сотрудники нашего института работают изолированно, если хотите – кустарями одиночками. Нам недостает многого... прежде всего знания физической географии, геологии и самой широкой и разнообразной технологии. Мы все без исключения страдаем этими недостатками, и потому наши построения не находятся на той научной высоте, на которой должны были бы находиться работы Института АН СССР” [Из письма М.С. Буяновского, 1942 г., Ф. 1569. Оп. 3. Д. 68].

В полярных районах Якутии физико-географические исследования Верхоянского севера проводил Д.М. Колосов [8], который участвовал в аэросъемочных работах ГУГК с целью освоения районов, тяготеющих к северному морскому пути.

Были и зарубежные экспедиции [9], в частности в 1942 г. В.П. Зенкович и В.Н. Кунин работали на территории Ирана. В одном из писем В.Ф. Васютин (март 1942 г.) сообщал, что он вместе с Ферсманом подрабатывает вопрос об Иранской экспедиции и полагает, что если пройдет комплексная экспедиция, в нее надо будет включить 6 физгеографов и 2–3 экономгеографа. В.Н. Кунин

19 февраля 1942 г. писал в Алма-Ату Григорьеву: “Неделю назад я приехал из Ирана, где пробыл около 4 месяцев. Сделал серию маршрутов по огромной территории Северо-Восточного Ирана. ...Работа носила специфический характер, как правило, была далека от моих интересов и даже от моей специальности, но, конечно, между делом удалось многое понаблюдать... совсем знаете ли не похоже на наши пустыни. В общем, я, конечно, мог бы рассказать много интересного, и надеюсь, что виденное и усвоенное мной, еще сможет принести пользу и Институту географии” [Ф. 200. Оп. 1. Д. 45б].

В Монголии почти всю войну работал Э.М. Мурзаев, который был в 1940 г. откомандирован с семьей в МНР. Он обьездил всю страну, опубликовал ряд работ на русском и монгольском языках [22].

В 1943 г. Институт географии принял участие в работах комплексной экспедиции АН СССР по изучению северо-восточных районов европейской части страны, по послевоенному развитию южно-промышленного района (Донбасса и Криворожья) и др. Заметим, что еще в апреле 1942 г. В.Л. Комаров сообщил А.А. Григорьеву о запланированных в АН СССР на 1943 г. работах по “восстановлению и развитию народного хозяйства в районах, освобожденных от врага”, и просил его согласовывать действия Института географии с общим планом и календарем работ [Ф. 200. Оп. 1. Д. 62].

Попытки развития военной географии. Накануне войны в СССР, в отличие от крупных воюющих государств, не было ни единой географической службы, ни военно-географических учреждений [19]. Особенности Второй мировой войны, охватившей боевыми действиями огромные пространства материков и океанов, ставшей в значительной мере войной танков и самолетов, требовали немедленного обновления научных знаний в области военной географии. Лекции по военной географии читал в МГУ К.К. Марков, пытался создать многотомную работу Б.Б. Полынов, раздумывал Ю.К. Ефремов.

К.К. Марков, говоря об особенностях современной военной географии, подчеркивал большую глубину современного фронта и практическую непрерывность боевых действий [13]. Марков рассматривал роль географии во всех трех разделах военного искусства: стратегия (учение о войне), оперативное искусство (учение о военной операции), тактика (учение о бое).

Б.Б. Полынов, имевший опыт участия в двух войнах в качестве младшего офицера (Русско-

японской, Первой мировой), считал себя неплохим знатоком военного дела по сравнению с теми географами, которые “не нюхали пороху” [Ф. 602. Оп. 3. Д. 9]. В эвакуации в Ташкенте Полынов был председателем Военно-географической комиссии при Узбекском филиале АН СССР и отвечал за подготовку руководства “Задачи и методы военно-географических исследований”. Предполагалось систематизировать военно-географический материал для использования в теории и практике и наметить пути развития методов военно-географических исследований. Планировалось несколько объемных выпусков, но удалось завершить лишь первую часть “Учение о местности” (158 с. машинописи), которая хранится в Архиве РАН [Ф. 602. Оп. 8. Д. 1]. В ней проанализированы проходимость местности как ее основное тактическое свойство, проходимость различных боевых средств (пешего бойца, конного бойца, выночных животных, боевых средств на конной или автоматической тяге, войсковых соединений) в разнообразных ландшафтных условиях при сезонных и спорадических изменениях. В “Учении о местности” предполагалось еще описать такие ее свойства, как просматриваемость, простреливаемость, условия, определяющие действия химических средств и боевые действия авиации; военно-географические свойства естественных рубежей и др.

Полынов очень критично относился к работам географов по военной тематике, полагал, что компетентными судьями могут быть лишь представители Генштаба, считал, что «давать работу на отзывы “мирным географам” также безнадежно, как посыпать астрономические работы на отзыв в консисторию, исходя из того, что она тоже занимается “небесными делами”» [Ф. 602. Оп. 3. Д. 9].

Рукопись “Учения о местности” не встретила одобрения ни геологов и географов, ни военных, и лишь ее конспективный вариант был опубликован в виде небольшой брошюры [16]. Вернувшись в Москву в 1943 г., Б.Б. Полынов стал председателем новой военно-географической комиссии Всесоюзного географического общества [17].

Ю.К. Ефремов, будучи курсантом военного училища, в 1943 г. составил докладную записку “О неотложных задачах создания централизованного военно-географического обслуживания Красной армии”, проект “структуре военно-географической службы” и “типовой план военно-географических описаний”. Эти материалы Ефремов отправил А.Е. Ферсману в ОГГН, коллегам в МГУ, в журнал “Военная мысль” и газе-

ту "Красная звезда", Я.С. Эдельштейну [Ф. 602. Оп. 3. Д. 9].

Ю.К. Ефремов писал о недостатках в военно-географическом обслуживании, предлагал переключить все географические институты на выполнение военно-географических заданий, создать Научно-исследовательский институт военного страноведения, а в будущем – специальную военно-географическую службу. Военные отрицательно отнеслись к его предложениям, считая, что никакое централизованное военно-географическое обслуживание не нужно. «Немалую роль в этом играет и мой рядовой курсантский чин, и предубеждение против "мании изобретательства" и, наконец, довольно твердый взгляд, что курсанты пишут всякие докладные не иначе как с задней мыслью улизнуть от военной службы. К сожалению, так воспринимаются даже мои просьбы отправить меня на фронтовую топографическую работу... рядовых чинов на топоработы не берут, хоть будь они семи пядей во лбу, нужно дорасти хотя бы до одной офицерской звездочки. Последнее, однако, тоже недоступно, ибо вот уже 9 месяцев длится моя военная беременность, а училище не родило до сих пор за этот срок ни одного лейтенанта. Учебу прерывают регулярные досрочные отправки на фронт... Я был бы очень благодарен за любую возможность вернуть меня к более активной и деятельной жизни». Вскоре Ю.К. Ефремов стал одним из сотрудников нового отдела военно-географических описаний НИИ ВТС [2, 20].

Сотрудниками Института географии был подготовлен сборник "Очерки по географии в военном деле". Статьи были иллюстрированы картами [Ф. 535. Оп. 1. № 118]. Судьба сборника, как и многих работ военного времени, неизвестна.

Мирные дела. Когда видишь объемы выполняемых работ, полагаешь, что все силы были сосредоточены на оборону, обслуживание фронтов, на будущую победу. Но в институтах АН СССР продолжались теоретические исследования, уделялось внимание издательской деятельности, популяризации.

В первой половине 1942 г. начала работать комиссия по истории Отечественной войны, в которой участвовали и географы. В январе 1942 г. бюро ОГГН возобновило защиты диссертаций для присуждения ученой степени [Ф. 535. Д. 170], и в Институте географии с октября 1942 г. на ученых советах было проведено несколько защит.

В июле 1942 г. после заседания в Свердловске ОГГН отправило просьбу в Президиум АН СССР: "ввиду крайне малого количества академиков и

членов-корреспондентов по географическим наукам и возрастающей роли этих наук в народном хозяйстве страны утвердить по 3 вакансии академиков и членов-корреспондентов по географическим наукам" [Ф. 535. Д. 169].

Отмечались государственные праздники. Осенью 1942 г. в Свердловске прошла сессия ОГГН, посвященная годовщине Октябрьской революции [Ф. 535. Д. 169], на которой В.А. Обручев выступил с обзорным докладом о достижениях ОГГН за 25 лет советской власти, был подготовлен сборник "Успехи геолого-географических наук в СССР за 25 лет", где помещена большая статья А.А. Григорьева "География". В декабре 1942 г. ОГГН решило представить на Сталинскую премию совокупность работ Института географии по Казахстану [Ф. 535. Д. 170]. Проводились и соцсоревнования, лучшим вручались денежные премии.

Весной 1942 г., хотя победа была еще очень далека, руководящие органы страны задумывались о послевоенном устройстве мира. В.Ф. Васютин писал А.А. Григорьеву, что Внешторг и Наркоминдел считают крайне желательным участие института в подготовке географических материалов, "кои необходимы при будущих решениях (переговорах) о послевоенном устройстве мира". А в апреле 1943 г. в адрес трех заместителей Председателя СНК СССР: В.М. Молотова (наркома иностранных дел), А.И. Микояна (наркома внешней торговли) и А.Я. Вышинского была отправлена докладная записка "О подготовке географических материалов и карт, необходимых при решении вопросов о послевоенном устройстве мира", подписанная В.Л. Комаровым, А.А. Григорьевым и В.Ф. Васютиным [Ф. 200. Оп. 1. № 12]. В ней Институт географии предлагал подготовить материалы, которые помогут советским представителям на будущей мирной конференции защищать нашу точку зрения. Предлагалось срочное проведение научных работ для а) тщательного изучения возможных вариантов будущих границ СССР и капиталистических стран с точки зрения национальной, военно-стратегической, транспортной, распределения источников сырья, топлива и промышленных баз; б) детального исследования стратегического и экономического значения различных территорий: опорных баз, островов, проливов, выходов к морям и океанам, участков рек, озер и т.д.; в) проработки вопроса о географии мировых ресурсов сырья и топлива и определения значения источников сырья в руках той или иной страны; г) изучения возможных вариантов будущих границ СССР для максимально возможного обеспечения прямой

внешней торговли (общность границ: коридоры, выходы к морям и океанам и т.д.).

В заключение хочется привести несколько строчек, напоминающих суровых условиях жизни в те годы: «Стоят в Москве морозы – в домах почти не топят, холодно, даже трудно заниматься. Спасает только наш Институт, где благодаря рвению Ф.И. (зам. директора) более или менее тепло. С “харчем” стало также хуже, но еще терпимо» [Из письма И.П. Герасимова, Ф.1569. Оп. 3. Д. 77].

“...исключительно тяжелое продовольственное положение сотрудников Московской группы. ... иногда не мешало бы кое в чем им помочь. Здесь нельзя достать ни одной луковицы или картошки. Помогите им огородными семенами. Заведем свои огорода. Коммерческой торговли никакой нет. Живут на карточки служащих (и то далеко не все получают). По существу, один хлеб и слабенький обед в столовой геологического института” [из письма В.Ф. Васютина, Ф.1569. Оп. 3. Д. 70].

Весной 1943 г. Президиум АН СССР принял решение о реэвакуации институтов и учреждений в Москву, начиная с середины мая [Ф. 535. Оп. 1. Д. 181]. Институт географии полностью вернулся в Москву к осени. Все ближе была Победа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Л.С. Вклад отечественной географии в Великую Победу // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 2005. № 2. С. 5–13.
2. Абрамов Л.С. Военно-географические описания – войскам // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 3. С. 90–101.
3. Герасимов И.П., Кесь А.С. Опыт составления комплексных физико-географических карт // Тр. Второго съезда ГО СССР. Т. 1. 1948. С. 348–355.
4. Грацианский А.Н. Глубокий тыл – потенциальный театр военных действий // Сб. воспоминаний участников ВОВ – сотрудников ВИНИТИ РАН. М.: 1995. С. 87–91.
5. Григорьев А.А. Советская география и война // Изв. ВГО. 1944. Т. 76. Вып. 1. С. 10–20.
6. Григорьев А.А. Институт географии АН СССР в дни Отечественной войны // Вестн. АН СССР. 1943. № 7–8. С. 41–43.
7. Доскач А.Г., Кесь А.С., Назаревский О.Р., Помус М.И. География в учреждениях АН СССР в годы Великой Отечественной войны // Изв. АН СССР. Сер. геогр. 1975. № 3. С. 9–18.

8. Институт географии и его люди. М.: Наука, 2008. 677 с.
9. Коган С.М. Список работ Института географии АН СССР, выполненных за время Отечественной войны (1941–1943). Машинопись. 84 с // Архив ИГ РАН.
10. Котляков В.М. Преображенский В.С. Академическая география – вооруженным силам. (1941–1945) // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 2. С. 9–21.
11. Лаппо Г.М. Исследования проблем городов и транспорта, выполненные в Институте географии АН СССР в годы войны // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 3. С. 107–116.
12. Левшин Б.В. Испытание огнем. Академия наук в годы Великой Отечественной войны // Вестн. РАН. 1995. Т. 65. № 5. С. 403–415.
13. Марков К.К. Военная география // Изв. ВГО. 1943. Т. 75. Вып. 3. С. 12–22.
14. Навеки в памяти. Члены Российской академии наук о Великой Отечественной войне 1941–1945. М.: Наука, 2010. 331 с.
15. Наука и ученые России в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. Очерки, воспоминания, документы. М.: Наука, 1996. 310 с.
16. Полынов Б.Б. Роль географии почв и учения о ландшафтах в тактике и оперативном искусстве. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1944. 32 с.
17. Полынов Б.Б. Задачи Военно-географической комиссии Всесоюзного географического общества. // Изв. ВГО. 1944. Т. 76. Вып. 1. С. 3–9.
18. Преображенский В.С. Александрова Т.Д. Комплексные военно-географические карты: 1941–1944 гг. Опыт академического специального картографирования // Изв. РАН. Сер. геогр. 1995. № 2. С. 22–34.
19. Преображенский В.С. Александрова Т.Д. Географическое обеспечение военных потребностей Германии, США, Великобритании в ходе Второй мировой войны // Изв. РАН. Сер. геогр. 1996. № 2. С. 141–153.
20. Советские географы – фронту и тылу (1941–1945 гг.). Вопросы географии. Вып. 128. М.: Мысль, 1985. 238 с.
21. Служили верой и правдой. Воспоминания о войне членов Отделения наук о Земле. М.: Светоч-плюс, 2010. 264 с.
22. Тишков А.А. Мурзаева В.Э. Пространство, время, люди – главные герои его жизни. К 100-летию Мурзаева // Изв. РАН. сер геогр. 2008. № 2. С. 132–137.
23. Ферсман А.Е. География на службе войны // Наука и жизнь. 1942. № 11–12. (см. № 20).

Diversity of Geographical Works at the First Years of Great Patriotic War**T.D. Alexandrova***Institute of Geography, RAS*

Trends of geographical works in render help to the battle-front and home front from the first days of war are examined. On the base of materials, found in the archives of RAS, not enough known or unknown factors on Commission's activity on Geology-geographical survey for the Red Army, about Co mission on resources' mobilization to the needs of defense, developed complex measures on development of the economy of the Eastern regions, such as Urals, West Siberia and Kazakhstan, Povolzhe and Prikamie are presented in the article. It is described about the works of some geographers in the field of theory, methodic and practice of war geography.